

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
РАЗЛИЧНЫЕ ТРАКТОВКИ И ОБЛАСТИ ИХ
ПРИМЕНЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ**

***Социальная эпистемология
и типы научной рациональности***

Проблема коммуникации вызывает интерес у специалистов самого разного дисциплинарного профиля. С одной стороны, понятие коммуникации по своему объему имеет универсальный характер, так как оно коррелирует с предельно общим философским понятием взаимосвязи. С другой стороны, этот универсализм онтологически репрезентирован в огромном разнообразии видов и форм взаимодействия – от био- и зоокоммуникации до интернет-коммуникации, создающей единое глобальное сознание (Маклюэн 2011: 73). Данная коллизия порождает принципиальную полидисциплинарность коммуникативного знания, поскольку различные виды коммуникативных практик обретают свою «зону ответственности» в различных дисциплинах, каждая из которых полагает наиболее релевантным для описания определенной коммуникативной практики именно свой комплекс методов, понятий, исследовательских процедур. Таким образом, разнообразие трактовок коммуникации (а также возникновение различных междисциплинарных конфигураций для объяснения этого феномена) обусловлено разнообразием коммуникативных практик и форм коммуникации. Причем, между этими объяснительными моделями существует теоретико-методологическая конкуренция в борьбе за доминирование определенной версии коммуникации – с точки зрения того, чья область применения шире, а значит, имеет более весомую претензию на универсальность как объяснительного принципа и основы общей теории коммуникации. Поэтому не случайно, что проблема соотносимости существующих трактовок и традиций в области коммуникативного знания вот уже много лет является одной из центральных исследовательских интриг коммуникативистики и предметом весьма продуктивной полемики (см., например: Крейг 2003: 72–127; Anderson 1996).

В рамках данной статьи мы хотели бы не просто сфокусировать внимание на многозначности интерпретаций социальной коммуникации, но предложить свою версию типологии парадигмальных трактовок данного феномена, сложившихся в социальном знании, которая может быть использована для фундирования методологических основ социологии коммуникации. В основу нашей типологии будет положено эпистемологическое измерение структуры коммуникативного знания, поскольку именно такой подход позволяет выявить и обосновать не только причину и паттерны формирования определенной версии понятия коммуникации, но и границы его применимости. Современная эпистемология делает акценты не только на изучении механизмов природы, методах получения знаний, но и на понимании «законов жизни» различных типов знания в различных социокультурных контекстах, в различных социокультурных практиках (что, кстати, порождает расширенное понимание самой эпистемологии, возникновение новых форм эпистемологии – «натурализованной», «генетической», «экспериментальной», «эволюционной» и т. д. (Касавин 2009).

Важнейшей темой современной эпистемологии является тема научной рациональности, поскольку именно в ней сопрягаются теоретико-познавательные и социокультурные аспекты конструирования и развития различных форм знания. Научная рациональность определяет правила, по которым определенные теории принимаются научным сообществом в качестве инструментов исследования, в качестве адекватных описаний и объяснений (Порус 2002: 38–39).

Критерии, формирующие определенную модель рациональности, не априорны и подвижны, их содержание обусловлено определенной научной практикой, самим развитием науки. Их принятие определяет, какой образ науки доминирует в ту или иную историческую эпоху. Выбор критериев рациональности является результатом конвенции (говоря словами Д. Блура, «теперь знание – это все то, что люди считают знанием» (Bloor 1991: 5)). Легитимация определенной модели научной рациональности задана тем, насколько она эффективна в своей объяснительной функции в конкретной познавательной ситуации. Поэтому, как отмечает В.Н. Порус, можно говорить о современной ситуации сосуществования различных моделей рациональности, принимаемыми различными научными сообществами или одним и тем же сообществом для разных целей и в разные периоды времени. Он предлагает рассматривать научную рациональность как сложную динамическую систему, состоящую из элементов и подсистем, обладающих относительной автономией в качестве моделей

научной рациональности (Порус 2002: 36). Такая система открыта для реконструкции. Причем изменения могут затрагивать как модель в целом, так и различные элементы и подсистемы. Некоторые из подсистем менее изменчивы, что позволяет считать их ядром рациональности (например, логические нормы), а другие обладают существенной подвижностью и могут рассматриваться как периферийные. В качестве последних выступают, в частности, образцы научно-исследовательской деятельности, существенное влияние на формирование которых оказывают нормативы особо значимых (влиятельных, технологически «продвинутых») в это время научных дисциплин, а также доминирующие мировоззренческие установки и ценности.

Существуют различные варианты систематизации моделей рациональности, среди которых наиболее работающим и эвристически плодотворным признается типология, основанная на выделении трех типов рациональности в соответствии с тремя крупными стадиями исторического развития науки: классического, неклассического и постнеклассического (см.: Степин 2011). Данные типы рациональности различаются уровнем изучаемых системных объектов, способами объяснения, доказательности и построения знания, а также характером философско-методологической рефлексии.

Классическая рациональность соответствует классической науке в ее дисциплинарно организованном состоянии и сформировалась в ходе первых двух глобальных научных революций. Классическая рациональность центрирует внимание на объекте, исключая все то, что относится к субъекту, средствам и операциям его познавательной деятельности. При этом в рамках данного подхода не рефлексивируется сам факт детерминации знания и способов его организации доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями.

Неклассическая рациональность соответствует принципам неклассической науки и сформировалась в ходе третьей глобальной научной революции в начале XX в. Она базируется на осмыслении и обосновании связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Содержание знания понимается как составное от методов и средств познания. Важной характеристикой этого типа рациональности является политеоретизм – допущение сосуществования нескольких теорий, описывающих объект и процедуры сопоставимости этих теоретических подходов.

Постнеклассическая рациональность соответствует постнеклассической науке и возникла в ходе четвертой глобальной научной ре-

волюции. В ней существенно расширяется зона методологической рефлексии над познавательной деятельностью. Теперь при конструировании знания учитывается соотношенность получаемых знаний не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом не следует думать, что «включение человека» в исследуемые объекты противоречит получению объективно-истинного знания или его ограничению. Дело в том, что «техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегии научного поиска» (Степин, Горохов, Розов 1996: 306).

На наш взгляд, существование трех основных типов рациональности и их эволюция может служить основанием для обоснования процессов конструирования представлений о социальной коммуникации. Изменение познавательной диспозиции в изменяющихся социокультурных контекстах меняет представления о коммуникации. Мы покажем, что каждому типу рациональности соответствует своя аксиоматика в изучении коммуникации – набор паттернов, образцов трактовки коммуникации и методов ее анализа.

Классический тип рациональности: коммуникация как обмен информацией

Классический тип рациональности и соответствующая ему парадигма (способ решения исследовательских задач) строятся на противопоставлении познающего субъекта и познаваемого объекта и вере в то, что объект устроен (организован) по строго определенным законам, которые субъект может постичь и поэтому способен управлять данным объектом.

В теории коммуникации подобный подход, на наш взгляд, наиболее явно проявляется в информационной трактовке процесса коммуникации, появившейся в конце 1940-х гг. (работа К. Шеннона и У. Уивера «Математическая теория коммуникации»). В данной трактовке коммуникация понимается как процесс передачи информации (сигнала) от источника к реципиенту. Коммуникатор-источник является инициатором и лидером коммуникации (субъектом, воздействующим на объект), он выбирает код и канал при передаче сообщения, определяет степень эффективности коммуникации в зависимости от того, насколько точно принято реципиентом посланное сообщение.

Шумы в такой информационной системе рассматриваются как помехи «чистой» коммуникации и должны быть устранены.

В теории управления эта интерпретация коммуникативных отношений представлена винеровской кибернетической моделью управления информационно-коммуникативными системами (классической кибернетической моделью), которая также строилась на классической субъект-объектной диспозиции. (Заметим, что упомянутая книга К. Шеннона и У. Уивера и работа Н. Винера «Кибернетика или управление и связь в машинах и живых организмах», ставшая на долгие годы основным ориентиром в теории управления, появились почти одновременно – в 1949 и 1948 гг.). Цель деятельности управляющего оператора – привести систему к желаемому состоянию, обеспечить выполнение заданных ей оператором функций.

Заметим, что классические модели Шеннона и Винера с точки зрения структуры знания соответствуют техницистскому мышлению. Изначально они были предназначены для описания информационных процессов, происходящих в технических устройствах, а затем были универсализированы, т. е. перенесены в другие сферы знания. Аналогичным образом формировалась классическая исследовательская парадигма в естествознании XVI–XVII вв., когда механическая модель мирописания (сконцентрированная в ньютоновской картине мира) стала универсальной основой организации знания в различных науках.

Информационный подход к пониманию коммуникации коррелировал с теми парадигмами в различных науках, которые можно отнести к классическому типу рациональности. В частности, в социологии это теории объективистского направления, описывающие, каким образом социальные институты транслируют свою волю человеку. Другое влиятельное в середине XX в. направление в социологии – веберовская версия социального. Вебер вводит в социологию «целерационального человека», который, осуществляя «социальное действие», подчиняет своим рациональным целям поведение других людей, манипулируя их ожиданиями. Таким образом, в социологии классическая версия коммуникации актуализировалась и сопрягалась с проблемой социального влияния, воздействия властных структур (субъектов) на социальные группы (объекты воздействия).

Этому пониманию коммуникации соответствовала онтология «общества масс», эпохи тоталитарных режимов первой половины XX в., когда способы воздействия на широкие аудитории рассматри-

вались, в первую очередь, в контексте пропаганды и управления массовыми человеческими сообществами.

В настоящее время информационный подход подвергается существенной критике, в первую очередь, за то, что он акцентирует внимание на линейном, однонаправленном характере коммуникации, т. е. в нем подчеркивается манипулятивная природа коммуникации. Однако, несмотря на это, данная парадигма до сих пор является наиболее используемой в теории и практике социальной коммуникации. Это связано с тем, что она, во-первых, позволяет исследователю четко вычленив первичный коммуникативный акт, различив коммуникативный источник и получателя информации; во-вторых, рассматривает социальную коммуникацию как намеренное, осознанное действие с целью достижения ожидаемого результата; в-третьих, обращает особое внимание на эффективность коммуникации с точки зрения достижения понимания (аутентичности).

Однако главной причиной популярности информационного подхода, на наш взгляд, является то, что он отражает негласный запрос на изучение коммуникации в *иерархической* социальной системе, где есть элиты, подчиняющие себе массы, т. е. лидеры социального воздействия, с одной стороны, и их аудитории, с другой стороны. Неравенство составляет квинтэссенцию социального порядка (а разрушение и реструктурирование иерархий является знаком его развития) и до тех пор, пока будет существовать общество, будет актуальным и значимым понимание социальной коммуникации как процесса информационного воздействия властвующих субъектов на социальные группы людей.

Классическая версия рассмотрения социальной коммуникации как обмена информацией легла в основу формирующегося в рамках социологии нового ареала знания, получившего название социологии коммуникаций (в отечественной социологии этот процесс датируется серединой 1990-х гг.).

Подтверждением тому могут служить определения социальной коммуникации, представленные в базовых учебниках по этой дисциплине, в которых была институционализована данная трактовка. В частности, в первом учебнике по социологии коммуникаций В.П. Конецкая так определяет предмет новой дисциплины: «Социальная коммуникация – социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств» (Конецкая 1997: 9).

Таким образом, социология коммуникаций зарождалась на принципах информационной парадигмы, к основе которой лежит техницистская метафора передачи (обмена) информации, пришедшая из информатики и кибернетики и понимающая информацию как нечто внешнее по отношению к взаимодействующим субъектам и определяющее их действие.

Междисциплинарный синтез на первом этапе развития социологии коммуникаций также осуществлялся на основе информационной парадигмы. В качестве наук, привлекаемых социологией для изучения социальных коммуникаций, использовались науки, изучающие процесс репрезентации информации, ее передачи (информатика, классическая кибернетика, лингвистика и т. д.)

Как уже было отмечено, в качестве структурных сопряжений с классической парадигмой можно рассматривать трактовку феномена социальной коммуникации в объективистской социологии. Так еще Т. Парсонс в рамках структурно-функционалистского подхода зафиксировал конструктивную роль коммуникаций в развитии человеческой деятельности, в функционировании социальных систем (заметим, что он был последователем идей классической кибернетики). Разнообразие и сложность систем человеческой деятельности, по Т. Парсонсу, невозможно представить без «относительно стабильных символических систем», которые существуют и действуют только благодаря процессам коммуникации.

Особую роль играет коммуникация во взаимообмене между социетальными подсистемами. Отношения между системами и подсистемами, а также внутри них рассматриваются Т. Парсонсом как обмен информацией – совокупностью символов, сообщений, вызывающих структурные изменения в принимающих и передающих системах. Символическими средствами взаимообмена и коммуникации в социальной системе выступают деньги, власть, влияние, ценностные обязательства. Посредством коммуникативного обмена информацией обеспечивается интеграция системы и поддерживается независимость ее границ.

Данная социологическая традиция в конце XX в. получила новый импульс в целом кластере социетальных теорий, основанных на понимании новых информационных технологий как фактора, детерминирующего базальные изменения в экономике, культуре, социальной структуре, способах социального управления.

Новое понимание технологий как информационных посредников, меняющих социальную картину мира, ввел в своей работе «По-

нимание Медиа. Внешние расширения человека» М. Маклюэн. Новейшие «электромагнитные технологии», определившие лицо «электрической эпохи», позволяют «хранить и перемещать информацию с огромной скоростью и точностью» (Маклюэн 2011: 413). Эти технологии меняют характер экономики современного общества – теперь все формы богатства создаются движением информации, а все формы занятости превращаются в «оплачиваемое обучение» (Маклюэн 2011: 70). Они также обеспечивают создание глобальной сети и конституируют единое поле опыта, создавая новую реальность глобального мира как единого целого. В этом новом мире меняется не только структура социальной организации, но и способы управления ею (экономического и политического), которые будучи основаны на функционировании «информационных петель» обратной связи, характеризуются новым уровнем сложности, связанности различных уровней и сфер социального, и при этом жесткой координации регуляторных усилий.

После работ М. Маклюэна информационно-технологическая версия коммуникации становится центральным трендом в социологической рефлексии онтологии современного общества. Центральное место данная проблематика занимает в теориях информационного общества, компьютерной футурологии, сетевого общества, существующих в рамках социологического неозволюционизма. Д. Белл в своей трактовке постиндустриального общества описывает, в частности, эволюцию способов и доминирующих институтов коммуникации под воздействием «индустрии знания». А. Тоффлер анализирует трансформацию характеристик общества в информационную эпоху «третьей волны». По мнению М. Кастельса, сетевое структурирование современного общества также в значительной степени обусловлено стремительной экспансией новейших информационно-коммуникационных технологий.

Продолжением этой традиции является, на наш взгляд, модель общества знания, концептуализированная в экспертном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (К обществам знания 2005). Модель общества знания декларируется в данном документе как модель пост-информационного общества, которая способна преодолеть накопившиеся в последние десятилетия социальные проблемы и новые разрывы – в первую очередь так называемые «электронно-цифровые» разрывы, связанные в неравномерным доступом к информации через высокотехнологичные средства связи (речь идет о разрывах между странами Севера и Юга, а также образовательном,

гендерном, поколенческом, лингвистическом, географическом и других разрывах). Данные разрывы порождают опасные «когнитивные» разрывы в области знания – неравномерность доступа к образованию, научным исследованиям, культурному и языковому разнообразию, что по закону развития положительной обратной связи закрепляет и усиливает социальное неравенство и несправедливость, ведет к обострению социальных конфликтов как между странами и регионами, так и внутри отдельного общества.

Таким образом, информационное общество оказалось обществом «раздела знаний». В противовес этому концепция общества знания и разработанные экспертами ЮНЕСКО документы направлены на то, чтобы создать условия для совместного использования знания и всеобщего равного доступа к информации, используя новейшие технологии, устранить многочисленные и разноуровневые когнитивные разрывы и достичь новых форм социальной солидарности. Все это позволяет, на наш взгляд, рассматривать концепцию общества знания не только как новую социетальную теорию, но и как глобальную социальную технологию перехода к новому уровню социального развития (см. об этом: Общество знания 2008).

Возвращаясь к вопросу об области применения классической парадигмы коммуникации, можно сделать вывод, что данная парадигма доказала свою продуктивность в изучении коммуникативных практик, связанных с социальным влиянием посредством информационного воздействия на аудиторию в самых различных формах – идеологических программ разнообразных элит, деятельности СМИ, маркетинговых стратегий и т. д., в том числе и таких практик, в которых реализуются те или иные формы манипулятивного воздействия.

Неклассический тип рациональности: коммуникация как интеракция

Неклассический тип рациональности в социогуманитарном знании возобладал как парадигмальный ориентир в 60-е годы XX в. Неклассическая рациональность меняет субъект-объектную диспозицию в познании на субъект-субъектную. Меняется представление о структуре, способах получения знания и критериях его истинности. Признается влияние на истинность знания субъективных факторов (средств деятельности субъекта). Научная объективность обеспечивается путем совмещения нескольких объяснительных вариантов, достижением своего рода интеллектуального консенсуса, критическо-

го диалога между различными теоретическими концептами (принцип фальсификации К. Поппера). В культуре и науке возникает ценность позиции Другого.

Коммуникация в ракурсе неклассической рациональности стала рассматриваться не как информационное воздействие, а как результат взаимодействия разных (и равных) субъектов, как интеракция, в ходе которой рождаются общие смыслы и значения, т. е. возникает конвенция.

Здесь очень важно подчеркнуть, что интеракция – это не просто отклик «другого» в коммуникации. Информационный подход предполагает, как известно, наличие обратной связи (а в социологии Вебера – учет ожиданий окружающих) как реакцию на сообщение, посылаемое источником. Обратная связь свидетельствует о степени понимания (усвоения) информации и служит корректировке дополнительного сообщения. Таким образом, обратная связь подчинена достижению эффективности информационного воздействия. Интеракция же рождает новые смыслы и значения – такие, которые трансформируют позиции обоих участников коммуникации (получая в результате то, чего не ожидал ни один из них).

В качестве междисциплинарного основания здесь использовались науки, изучающие способы межличностного взаимодействия и формирования общих смыслов (семиотика, психология, бихевиоризм, этология и т. д.)

К неклассической парадигме коммуникации можно отнести такие подходы как феноменологический (трактующий коммуникацию как живой диалог или проживание живого опыта), семиотический (трактующий коммуникацию как процесс совместной межсубъектной выработки знаков и значений), социопсихологический (трактующий коммуникацию как процесс взаимодействия и взаимовлияния на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях), критический (трактующий коммуникацию как процесс критической рефлексии идеологического дискурса власти для противостояния воздействию господствующих идеологий).

Данное понимание коммуникации, акцентирующее внимание на конвенции и толерантности, сформировалось как ответ на социальный запрос эпохи развития послевоенных демократий, массовых национально-освободительных движений, в результате которых массы мигрантов хлынули из стран Африки и Азии в Европу, превращая европейские города в гигантские поликультурные, поликонфессиональные, полиэтнические сообщества.

Ключевой проблемой коммуникации становится диалог, понимаемый как форма конструирования социальной реальности. По мнению ряда американских исследователей, именно в этот период – в 1970-е гг. в науке и в общественном сознании сложился так называемый «коммуникативный гештальт» – понимание социального развития как результата консенсуса, коммуникативной договоренности между различными субъектами по поводу разрешения социальных проблем.

В качестве структурных сопряжений социологии коммуникации с неклассической парадигмой можно рассматривать трактовку феномена социальной коммуникации в субъективистской социологии, в рамках которой коммуникация понимается как результат взаимодействия (интеракции) различных социальных субъектов, в ходе которого конструируется система норм, правил, социальных институтов, обеспечивающих целостность социума, служащая основой для взаимопонимания коммуницирующих субъектов. Доминантой данного подхода выступает анализ не социальных институтов и структур, складывающихся объективно, а субъективных смыслов, которыми оперируют люди в процессе коммуникации.

Истоки этого подхода связывают с появлением теории символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Мид и др.) Одним из исходных социологических понятий в данной теории является понятие кооперации. Кооперация предполагает, что мы понимаем намерения других, а они, в свою очередь, – наши намерения. Это достигается путем коммуникации на основе разделяемых всеми значений, которые Дж. Мид назвал «значимыми символами». Способность видеть ситуацию с позиций другого человека понимается как «принятием роли другого». Это позволяет понять и предвидеть ответную реакцию другого и корректировать свое поведение. Поэтому участники символической интеракции постоянно интерпретируют слова и действия друг друга, что является предпосылкой социального взаимодействия как обмена символическими значениями.

Теоретические положения символического интеракционизма были использованы И. Гофманом для анализа повседневной коммуникации, в которой он обнаруживает «порядок взаимодействия» – систему определенных правил, образцов и типичных способов действия (фреймов), которые используются отдельным человеком или группой людей («командой») для создания определенного впечатления о себе и управления этим впечатлением (Гофман 2001; Гофман 2011).

Под влиянием интеракционистского понимания социальной коммуникации происходит не только переосмысление социетальных процессов в социологии (природа социального рассматривается теперь как результат *конструирования*), – осуществляется кардинальный пересмотр феномена социальных проблем. Еще Г. Блумер в своих работах подверг сомнению продуктивность традиционного социологического подхода рассмотрения социальных проблем как совокупности объективных условий в структурах общества. С позиций интеракционистского взгляда социальная проблема – это результат процесса коллективного определения (Blumer: 298). Развивая эти идеи, авторы концепции публичных арен С. Хилгартнер и Ч. Боск понимают под социальной проблемой предполагаемую ситуацию, на которую «наклеивается ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса действия. Социальная проблема является социальным конструктором, который рождается в результате интерактивного взаимодействия различных групп (сообществ) профессионалов, активистов, заинтересованных лиц, которые получили общее название функционеров (*operatives*). Именно в ходе этого процесса из множества возможных (конкурирующих) версий формируются и выбираются определенные интерпретации реальности.

В качестве таких арен выступают СМИ, исполнительная и законодательная ветви власти, суды, книги, кино, научные сообщества, религиозные организации, профессиональные общества, частные фонды и т. д. Именно в этих институтах происходят обсуждения, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем (Hilgartner, Bosk 1988: 58–59). Поскольку успех (размер, масштаб) социальной проблемы определяется количеством внимания, уделяемого ей на этих аренах, то от функционеров требуется умение презентировать проблему, облекать ее в «блестящую упаковку», придавать ей драматическую форму, используя некоторые классические театральные приемы, обеспечивая новизну и отслеживая «насыщение» символами публичного пространства, чтобы не вызывать у публики скуку. Таким образом, результатом коммуникации является не только разрешение социальной проблемы, но и само ее формирование.

Еще одним направлением субъективистского подхода является феноменологическая социология А. Шютца, целью которой можно считать исследование путей и способов, которыми мы структурируем образ социального мира в нашем сознании. Ключевым механизмом здесь выступает коммуникация, в ходе которой осуществляется об-

мен субъективными образами мира и типизация сходного опыта. Именно такие «каркасные» для социума типы опыта формируют «само-собой-разумеющиеся» понятия, которые выполняют функцию социализации и обеспечивают «нормальность» повседневной коммуникации.

Структура социального (жизненного) мира по А. Шютцу предстает как иерархическая структура социальной коммуникации – ее уровней и форм. Под жизненным миром А. Шютц понимал способ освоения индивидом символических структур социального мира. Реальный жизненный мир предстает как система взаимных социальных отношений, строящихся посредством взаимных субъективных интерпретаций участвующих в них акторов (Шютц 2003: 110).

В «фундаментальной конституции» социального мира Шютц выделяет несколько уровней («секторов») в зависимости от степени непосредственного переживания «моего спутника». Ядром социального мира является область, которая характеризуется непосредственным переживанием мной других, когда осуществляется коммуникация «лицом-к-лицу». Мой спутник разделяет со мной общий сектор времени и пространства; «процессы моего сознания являются для него элементами этого мира точно так же, как и процессы его сознания – для меня» (Шютц 2003: 116). Именно в этой области конституируется социальное отношение, формируется чистое «мы-отношение».

Следующий уровень – это мир современников, которые разделяют со мной общее время, но не пространство. Коммуникация обретает различные формы опосредования, что ведет к снижению многообразия симптомов, с помощью которых я понимаю Другого и Другой, в свою очередь, понимает меня. Конкретные «мы-отношения» уступают место социальным отношениям современников, в которых совместные действия не «переплетаются», а всего лишь становятся «взаимно ориентированными».

Причем, как отмечает А. Шютц, сам мир современников содержит различные страты, которые отличаются в зависимости от уровня анонимности и удаленности от непосредственного переживания Другого (он выделяет восемь таких страт). Объединение и освоение этих удаленных страт в жизненном мире человека осуществляется при помощи *типизации* – выработки обобщенных схем интерпретаций для определенной области социальной действительности, которая переживается непосредственно. Целостность социального мира обеспечивается тем, что в рамках «мы-отношений» существует как

бы незримая договоренность о том, что «взаимно приписанные типизирующие схемы (и соответствующие ожидания) будут использоваться партнерами одинаковым образом» (Шютц 2003: 152).

При этом реальная свобода и способность к самореализации индивида связана по Шютцу с механизмом *самотипизации*, что находит свое проявление в формировании так называемых добровольных групп (в отличие от групп экзистенциальных, которые человек должен учитывать и к которым он должен приспосабливаться). Человек может добровольно выбирать супругу, друзей, партнеров, профессию, может менять национальность или религию. Он может или добровольно стать членом существующих групп или создать новые, определить свою роль в них или постараться достичь желаемого для себя статуса. Главное отличие в данном случае заключается в том, что индивид не переживает ситуацию как готовую, он в процессе коммуникации конструирует собственные схемы интерпретаций, собственную сеть типизаций посредством совместного определения общей ситуации: система типизаций находится в процессе динамической эволюции, а индивид постоянно переопределяет свою индивидуальную жизненную ситуацию.

Индивид находится на пересечении нескольких «социальных кругов» и количество их тем больше, чем более дифференцирована личность индивида. Группы формируются, когда многие индивиды объединяют «части своих личностей» – специфические импульсы, интересы, силы. Поэтому «с субъективной точки зрения индивид смотрит на себя не как на человека, имеющего право исполнять социальную роль, а как на человека, вовлеченного в разнообразные социальные отношения и отношения группового членства, в каждом из которых он участвует частью своей личности» (Шютц 2003: 309).

Интеракционистская трактовка социальной коммуникации Шютца, на наш взгляд, демонстрирует эпистемологическую продуктивность для описания динамики социальных сетей в современной социологии. Само его понимание социальных взаимодействий созвучно пониманию социальных сетей, под которыми подразумевается сеть социальных взаимодействий, состоящая из совокупности социальных акторов и набора связей между ними. Под связями понимаются не только коммуникационные взаимодействия между акторами, но и связи по обмену различными ресурсами и деятельностью, включая обмен смыслами.

Жизненный мир в сетевом измерении предстает, на наш взгляд, как динамичный процесс конструирования индивидом совокупности

социальных сетей разного уровня, предстающими «мы-группами», типизирующими различные формы жизненного опыта. Смена жизненного опыта сопровождается сменой или трансформацией сетей, в которых вырабатываются свои, релевантные ситуации схемы интерпретаций (см. об этом подробнее: Василькова, Слюсарева 2013).

Таким образом, неклассическая версия трактовки коммуникации в современной социологии показывает свою продуктивность в изучении коммуникативных практик, связанных с межличностным общением (интеракцией), совместной выработкой и интерпретацией символов и знаков, различными формами межкультурной коммуникации и формированием идентичности в условиях другой культуры (проблема толерантности), способами разрешения конфликтов, а также изучении практик сетевого взаимодействия и конструирования социальных сетей.

Постнеклассическая парадигма: коммуникация как смыслопорождение

Постнеклассическая парадигма в социогуманитарном знании возникла во второй половине 1980-х гг., она сложилась как рефлексия новой онтологии общества глобализации и постмодерна, которая характеризуется такими качественными трансформациями как нестабильные рынки и неконтролируемый консьюмеризм, рост культурного многообразия и неопределенности развития, массовая компьютеризация, диверсификация поведенческих норм и способов социальной идентичности. Культура постмодерна и либерализующий интернет поставили под сомнение монополию рационального и право властного субъекта контролировать мир по его усмотрению. На смену централизованному вертикальному управлению приходят сложные конфигурации сетевой коммуникации в различных сферах деятельности.

Эти онтологические данности создали основу для появления и утверждения нового – постнеклассического – типа рациональности. Он отражает дальнейшую эволюцию неклассических представлений об идеале научности. Между субъектом и объектом познания стирается граница – позиция исследователя теперь встроена в исследуемый объект, и процесс познания предстает как процесс конструирования реальности.

Постнеклассическая эпистемология базируется на принципах релятивизма и плюрализма, на смену поиску абсолютной истины

приходит рядоположенное равенство различных точек зрения, практика конструирования не только основных научных понятий, но и самих исследуемых объектов. Меняется представление о критериях научности: они теперь связываются не столько с определенно фиксированными логико-гносеологическими процедурами, сколько с социокультурными параметрами познавательной деятельности. Более того, поскольку сама наука может изменяться под воздействием социокультурного контекста, то и критерии научности становятся подвижными, изменяемыми.

Познание рассматривается как конструирование бытия сознанием, наука предстает не просто как система теоретических положений, а как интерпретативная практика, укорененная в объективном мире. Познание понимается как коммуникативный процесс, осуществляемый в ходе активного воздействия на сам объект познания. Возникающее в ходе этой коммуникации и интерпретации смыслообразование, в свою очередь, воздействует на окружающий мир, меняя его.

Постнеклассическая парадигма вносит в теорию коммуникации новый эпистемологический акцент – коммуникация рассматривается в ней как смыслопорождение, как конструирование символических значений в процессе взаимодействия самих этих значений. Существенным отличием новой трактовки коммуникаций является новый онтологический ракурс коммуникации: теперь не коммуникативные практики порождают новые смыслы (как это полагалось в неклассической парадигме), а возникающие смыслы порождают определенные коммуникативные практики. Основным трендом становится изучение культурных смыслов, которые конструируются в социальной коммуникации и меняют «судьбу» социальных систем, институтов и процессов, создают социальные общности. Такие смыслы невидимы и порой сложно идентифицируемы, но именно они предстают не только способом самоописания, но и способом самопорождения общества. Целью изучения становится обнаружение и выявление генезиса таких культурных смыслов, выполняющих функцию социальных «эйдосов». В социологической теории для обозначения данных феноменов используется понятие «смысловая структура» (в частности, в данном контексте оно фигурирует в работах Дж. Александера (Alexander 2003)).

Особое внимание постнеклассическая парадигма уделяет таким формам коммуникации как дискурс и нарратив – вербальным коммуникативным практикам, складывающимся «здесь и теперь», ситуативным и поэтому уникальным. Вместе с тем это не означает отказа

от исследования фундирующих принципов коммуникации, делающих ее доступной для ее участников. В качестве таких принципов выступают, например, принцип когерентности (согласованности) в дискурсном анализе, изучение фоновых знаний, суперструктур и фреймов как неких объективно складывающихся матриц (типических правил) выстраивания коммуникации и организации дискурса. При этом полагается, что подобные матрицы не устанавливаются «на все времена», а актуализируются лишь в определенных «значимых» ситуациях.

Для социологического знания важно, что постнеклассическое видение коммуникации обращает внимание не только на языковые практики, но и на экстралингвистические (внеязыковые) – на тот социальный контекст, который породил ту или иную форму коммуникации.

Междисциплинарными основаниями понимания коммуникации как смыслопорождения выступают такие науки как лингвистика, герменевтика, когнитивные науки, кибернетика второго порядка.

Функцию методологического синтеза, интегрирующего данные подходы с социологическим знанием, выполняет, на наш взгляд, теория самоорганизации как современная версия системного анализа, в рамках которой исследуются аутопоэтические процессы спорадического самопорождения смысловых структур и их корреляция с процессами спонтанной самоорганизации коммуникативных систем в обществе. Иными словами, в центре внимания теории самоорганизации находятся процессы создания ситуативной целостности на основе когерентности поведения и дискурсов участников коммуникации.

Идея о самоорганизации аутопоэтических самореферентных систем впервые была высказана системщиками-эволюционистами У. Матураной и Ф. Варелой (Матурана, Варела 2001) и оказалась весьма продуктивной для описания общесистемных закономерностей, в том числе и для описания социальных и коммуникативных систем.

С позиций данного подхода сложная система обладает свойством самопорождения собственного поведения в процессе структурного сопряжения с окружающей средой. Социальные явления представляют в этой общеэволюционной картине структурные сопряжения третьего порядка. Такое сопряжение включает в себя не только уровень «система – окружающая среда», но и уровень взаимодействия независимых субъектов-систем, совместно сопрягающих свои действия в окружающей среде.

Механизмом такого усложненного структурного сопряжения и является коммуникация, которая трактуется как координированное поведение, которое взаимно запускают члены социального единства

(Матурана, Варела 2001: 171). Такая трактовка коммуникации очень необычна для тех, кто мыслит коммуникацию в рамках информационной модели как способ передачи информации, но она предельно социологична, ибо исходит из сущностной характеристики коммуникации быть способом координации действий и сохранения целостности социальных единств, способом обеспечения гибкости (эффективности) коллективных социальных действий.

Кстати, сами У. Матурана и Ф. Варела решительно опровергают информационную метафору коммуникации. С точки зрения эволюции сложных систем не существует «переданной информации», которая зарождается в определенной точке, затем распространяется по каналу связи и поступает к реципиенту на другом его конце. Это метафора не верна, так как она предполагает существование некоего единства, не определенного структурно, в котором взаимодействия несут в себе инструкции или команды. На самом деле происходящее с системой при взаимодействии с окружающей средой определяется не возмущающим агентом, а ее собственной структурной динамикой.

В данной парадигме по-новому понимается коммуникативная роль языка. Язык выступает не столько способом обозначения (презентации) предметов и явлений объективной реальности, сколько способом эффективной координации действий (через лингвистические различия).

Наиболее последовательно постнеклассическая версия коммуникации представлена в теории коммуникативных систем Н. Лумана, которая трактует общество как аутопоэтическую систему коммуникаций, способную осуществлять самописание, самонаблюдение и самовоспроизводство (Луман 2007; Луман 2009). Если предыдущие трактовки социальной коммуникации исходили из классических представлений об обществе, состоящем из людей, в котором коммуникации – это коммуницирующие люди, то Н. Луман предлагает кардинально иную трактовку социального: общество состоит не из людей, а из коммуникаций. Человек не может коммуницировать, так как коммуницировать могут только коммуникации. Версия Н. Лумана, отрывающая коммуникацию от ее носителей – социальных субъектов, на первый взгляд, кажется достаточно экзотической, однако она, безусловно, коррелирует с пониманием коммуникации как процесса смыслопорождения, осуществляемого по собственным законам самоконструирования, т. е. аутопоэзиса. В этом плане образование социальных систем осуществляется через коммуникацию. «При этом коммуникацию можно понимать как способ самовозбуждения системы и

наполнения ее смыслом» (Луман 2007: 235). Если коммуникация «поддерживается в активном состоянии, то образуются тематические структуры и избыточные смысловые содержания» (Луман 2007: 237) для осуществления операций принятия или отклонения. В конечном счете, следуя логике Н. Лумана, мы обречены на знание одного лишь мира сообщений, при этом мы можем читать мир в форме сообщений.

Однако для этого «прочтения» необходимо понимать, что коммуникации могут быть онтологически зафиксированы лишь через социальное действие. На вопрос о том, из чего состоят социальные системы, Н. Луман дает двойной ответ – из коммуникаций и из их отнесения в качестве действий. Ни один из этих моментов не был бы способен к эволюции без другого (Луман 2007: 238).

Переводя эти принципы в область социологической методологии, можно сказать, что они наиболее близки к теоретическим разработкам тех авторов, которые пытаются соединить объективистский и субъективистский подходы к объяснению социальной реальности. Социальная коммуникация, понимаемая как способ эффективной координации смыслов и одновременно социальных действий разного уровня, выступает как базовая характеристика социального. В этом плане проблематика социальной коммуникации перестает быть предметом отраслевой социологической дисциплины (каковой сейчас является социология коммуникаций) и перед ней открывается реальная возможность стать основой общесоциологической теории – коммуникативной теории общества (см.: Василькова 2009: 559).

Таким образом, постнеклассическая версия коммуникации в современной социологии релевантна для изучения динамики смысловых структур (в их когнитивном, герменевтическом и дискурсивно-нарративном измерении), их влияния на конструирование социальной реальности, а также для социетального теоретического осмысления фундаментальной эволюции аутопоэтических социальных систем.

Возвращаясь к образу эпистемологического ландшафта в теории коммуникации, отметим, что три обозначенные нами исследовательские парадигмы (основанные на различных типах рациональности) сосуществуют в нем одновременно и применяются в зависимости от конкретной исследовательской задачи. Классическая парадигма наиболее плодотворна при изучении эффективности информационного воздействия и социального влияния на социального субъекта и отражает онтологию иерархических отношений в обществе, неклассическая парадигма наиболее эффективна при изучении различных форм интеракции и отражает онтологию социального партнерства и

формирования конвенций различного уровня, постнеклассическая парадигма – при изучении смысловых структур как ситуативных дискурсивных конфигураций и отражает онтологию аутопоэтических коммуникативных систем в современном обществе – обществе «текущей современности».

В конечном счете, разнообразие трактовок коммуникации, соизмеряемое с различными типами научной рациональности, отражает эпистемологическое разнообразие социологического знания, а также поддерживает и воспроизводит его.

Литература

- Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- Василькова В.В.* Социология коммуникации и постнеклассическое знание: структурные сопряжения // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009.
- Василькова В.В., Слюсарева М.Г.* Сетевое измерение жизненного мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2013. Вып. 4.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. В 2-х частях. Бостон, 2010.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2001.
- Касавин И.Т.* Эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009
- К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
- Конечкая В.П.* Социология коммуникаций. М., 1997.
- Крейг Р.* Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб., 2003.
- Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- Луман Н.* Самоописания / Общество общества. Кн. 5. М., 2009.
- Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М, 2011.
- Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
- Общество знания: от идеи к практике. Коллективная монография: В 3-х частях. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания / под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб., 2008.
- Порус В.Н.* Научная рациональность как тема эпистемологии. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д. филос. н., М., 2002.
- Стелин В.С.* Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011.

- Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1996.
- Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
- Alexander J.* The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. New-York, 2003.
- Anderson J.A.* Communication theory: Epistemological foundations. New-York, 1996.
- Bloor D.* Science and social imagery. Chicago, 1991.
- Blumer H.* Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18.
- Hilgartner S., Bosk Ch. L.* The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94 (№ 1).